

Евгений Майер

Мишкины рассказы

Книга для мальчиков

12+

Евгений Майер

Мишкины рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58996242

SelfPub; 2020

Аннотация

Мишкины рассказы – это истории из жизни одного мальчика, которые так или иначе повлияли на его дальнейшую жизнь. Истории о том, как он знакомится с окружающим миром и пытается сделать верный выбор между добром и злом. Некоторые фрагменты могут показаться моему читателю излишне прямыми и жестокими, но именно так воспринимает мир детский мозг – прямо, открыто, без уловок и обертки.

Содержание

Рябиновое правило	4
Пацаны	7
Кролики	26

Рябиновое правило

Это был тёплый и солнечный осенний день, которыми нас иногда балует природа, как бы давая в последний раз насладиться яркими красками перед многомесячным белым пленом. Лёгкий ветер, заскучав без звонких детских голосов, беспорядочно гонял опавшую листву по школьному двору. Было тихо. Наконец пронзительный дрязг звонка разорвал неспешную картину дня, двери школы распахнулись, и шумная река школьников гурьбой вырвалась наружу, разбиваясь далее на маленькие ручейки спешащих по домам мальчишек и девчонок. Несколько парней-второклашек чуть задержались возле входа и затем решительно направились за угол школы. Повернув, они остановились возле молодых рябин, заботливо посаженных вдоль забора и сплошь усыпанных большими красными гроздьями. Ребята разделились. Вернее, даже не разделились, а все разом повернулись в сторону одного невысокого светловолосого паренька, но не окружили его, а как бы выстроились в небольшую колонну. Он стоял один, сжимая в левой руке ручку портфеля и особо не понимая, что же всё-таки послужило причиной ссоры. Вроде какая-то девочка из его класса. Вроде он что-то ей сказал. Какие-то парни вступились за неё. «Что за глупость?» – думал он. Но те парни думали иначе – и вот он стоит один

против целого класса.

Противников было много, их вожак что-то угрожающе кричал, но парень ничего не отвечал. Он и потом, став уже взрослым, никогда не любил этих бессмысленных прелюдий. Он знал, что сейчас надо драться, но что такое настоящая драка, он не знал. Он видел драки в фильмах, читал про них в приключенческих книгах, шутя боролся со старшей сестрой и отцом, но чтоб вот так, сам, – такого в его жизни ещё не было. Конечно, можно было бы отступить, убежать, расплакаться или попытаться оправдаться и признать свою вину. И никто бы его не осудил. Ведь их было много, а он один. Но непонятно откуда взявшееся упрямство заставляло его стоять и открыто смотреть в лицо своим врагам. Он просчитывал варианты. «Если как следует размахнуться, то можно вполне вывести из строя вожака. А дальше будь что будет», – промелькнуло в его голове. Напряжение росло. Он медленно поднял руку со сжатым кулаком перед собой и начал вращение против часовой стрелки, рассчитывая, сделав полный круг, попасть в лицо вожаку. «Так будет сильнее», – думал он. Со стороны это выглядело, наверное, невероятно смешно, но ему это было неважно. Была цель, был метод – от него требовалось только действие. Вдруг, сделав половину оборота, его рука налетела на кого-то. Кто-то был у него за спиной. Несмотря на свою юность, он уже слышал про нечестный приём хулиганов, когда один встаёт за тобой на корячки, а другой толкает тебя в грудь, и ты неумолимо падаешь

под смех обидчиков. Неужели это оно самое? Но нет. Парень у него за спиной трёт лицо рукой и произносит:

– Ты чего? Я же за тебя!

Оказывается, он был не один. У него был союзник. Сашка. Оказывается, они были вдвоём против всех. Наверное, с того момента они и начали дружить, но тогда это было неважно. Он вновь повернулся к нападавшим, которые чуть охладели от его решительных действий, и снова сжал кулак. Он им дал понять, что не собирается отступать. Что он готов дать им бой. Неизвестно, чем бы закончилась эта стычка, если бы не проходящая мимо женщина:

– Ну-ка, это что здесь такое? Ну-ка быстро разошлись! Вот я вам!

И сразу стало понятно, что драки не будет. Что сейчас они все разойдутся и будут дальше жить своей жизнью, и лишь рябины останутся на своих местах радовать глаз прохожих своим осенним нарядом.

...Прошло время. Молодые рябины превратились в большие сильные деревья. Вырос и наш герой. Жизнь научила его драться. И один на один, и стенка на стенку. Но именно в тот первый раз он запомнил самое главное правило в жизни: всегда открыто смотреть в лицо своим врагам.

Пацаны

Их было много... Слишком много больших и тёмных си-луэтов, неожиданно появившихся из-за угла дома. Они быст-ро надвинулись и окружили трёх подростков, так некстати оказавшихся во дворе в этот поздний час.

– Где живёте? – спросил грубый голос.

– Здесь, – ответил один из подростков, показывая на дом и сам удивляясь своей мысли, что эта толпа сейчас просто спросит дорогу и пойдёт дальше.

– Чё так поздно гуляете? – продолжал агрессивно голос. Отвечать на этот вопрос не имело смысла, и на секунду по-висла неловкая пауза.

– Да что тут разговаривать! – послышался другой голос. Толпа расступилась, и резкий удар в лицо подростка уронил его на снег. Второй удар достался другому парню, и он тоже не удержался на ногах, но быстро вскочил и рванулся бежать. Однако его ботинки несколько раз предательски проскольз-нули по укатанному снегу, и он вновь упал под насмешки толпы.

– Деньги есть? – вопрос вернул первого подростка в ре-альность.

– Нет, – медленно ответил он, с некоторым удивлени-ем смотря на неуклюжие выкрутасы своего друга. «Бежать?»

Просто взять и убежать?» – к такому варианту развития событий он сам был явно не готов. Да и потом, их же было трое. Убежать и бросить друзей? Это у него совсем не укладывалось в голове. Он огляделся по сторонам, пытаясь найти второго своего друга, чтобы как-то вместе дать отпор, но тот уже давно исчез в темноте, явно не испытывая никаких угрызений совести. Подросток остался один.

– А если посмотреть? – продолжался допрос.

– Нет, денег нет. – Ему стала надоедать эта нелепая ситуация, но даже больше разозлило такое поведение его товарищей. Он легко увернулся от второго удара, который пришёлся лишь вскользь по воротнику пальто, и решил с досады связаться в драку один против всех.

– Да ладно, брось ты его, пошли! – И толпа так же быстро растворилась в темноте двора, как и появилась. Лишь одинокая фигура подростка осталась стоять под тусклым фонарём, отбрасывая причудливую изломанную тень на крыльцо подъезда. Некоторое время он смотрел вслед удаляющимся силуэтам, не зная, как поступить. Потом попытался привести себя в порядок и запихнуть растрепавшийся шарф, но, увидев, что пуговица пальто оторвана, быстро оглядел снег под ногами. «Мамка будет ругаться, если не найду, – подумал он. – Вот она!» – Он быстро подхватил небольшой чёрный кругляш и бросился бежать по тёмным дворам. Только сейчас он заметил, что верхняя губа сильно распухла, но это было не важно. Гораздо важнее сейчас было сообщить стар-

шим, что по нашим дворам ходит толпа чужаков и бьёт каждого, кого встретит на своём пути. Эпоха великих войн двор на двор уже давно прошла, но в каждом районе ещё остались места, где собирались те, кто мог постоять за себя. В народе их пренебрежительно называли «хулиганы», «шпана», «дурная компания», но сейчас только они и могли ответить на этот вызов.

Вот та самая дверь в подвал. Он взялся за ручку и на мгновение остановился. Он вспомнил, как всегда с опасением проходил мимо неё, ведь подвал пользовался плохой репутацией. Но ждать было нельзя. Он рванул на себя обитую железом дверь и сбежал вниз, не разбирая ступенек.

Жёлтого света электрической лампы едва хватало, чтобы осветить угол небольшой, с низким потолком, комнаты, в которой стоял старый обшарпанный диван, явно попавший сюда с ближайшей свалки. Несколько деревянных ящичков и старая полированная тумбочка завершали обстановку. Стоявший без дела мутный стакан и лежавший рядом коробок спичек молчаливо говорили о том, что денег на вино сегодня не было. Народу было мало. Трое играли на ящиках в карты, ещё двое сидели на диване, курили и наблюдали за играющими. Все разом уставились на подростка. Молчали.

– А стучаться тебя не учили? – Крепкий коротко стриженный парень в чёрной телогрейке бросил карты и резко встал. – Ты кто такой?

Он двинулся в сторону гостя, очевидно, намереваясь выплеснуть своё возмущение, но другой голос остановил его:

– Да погоди ты, Кося! Тебе лишь бы руками помахать! Я знаю его – он с нашего двора. Тебе чего, пацан?

Говоривший также сидел на ящиках и, несмотря на худощавое телосложение, явно пользовался тут авторитетом, так как здоровяк остановился на полушаге и развернулся.

– Иди сюда, рассказывай, – продолжал худощавый.

Пацан шагнул вперёд и узнал в сидящем на ящиках Женьку Соболева. Тот был на пару лет старше его, и они иногда встречались во дворе или в школе, хотя школу Женька посещал редко – можно сказать, по праздникам. Учителя его особо не любили и давно махнули на него рукой. Он часто курил на крыльце школы, а на уроки ходил лишь от скуки. Нрава он был, что называется, крутого и не признавал никаких авторитетов. А ещё Женька всегда носил с собой нож, даже в школе.

Подросток вкратце рассказал о произошедшем. Парни в подвале молча переглянулись. Они знали, что это означало, и знали, как должны были поступить.

– Надо собирать народ, – сказал сидевший на диване светловолосый парень и затушил сигарету о край консервной банки, исполнявшей роль пепельницы. Он выглядел старше всех остальных, а на костяшках его пальцев отчётливо виднелись зоновские наколки.

– Поздно уже. Пока будем собирать да пока будем искать,

могут уже уйти, – ответил Женька Соболев. – Да и не соберём быстро много народу. Говоришь, человек двадцать было? – обратился он к подростку. Тот кивнул в ответ.

– Да он обделался, поди, со страху! Откуда двадцать? Человек пять-семь было, наверное. Мы их замотаем на раз! – вставил Кося, с довольной улыбкой разминая кулаки.

– Действительно, откуда? Кто это может быть? – снова сказал парень с наколками. – Может, Железка?

– Это вряд ли, – сказал Женька. – Да и Железка сюда бы пришли, если что. Все знают, что мы здесь. Это какие-то залётные.

Решать надо было быстро, и Женька продолжил:

– Так, мы с Сараем сейчас попытаемся их найти и проследить, куда они пойдут. Ведь должны же они вернуться к себе на район.

– Боишься, что они сюда придут, и решил свалить? – рассмеялся парень на диване.

– Что ты сказал? Кто боится? – Женька подскочил с ящика.

– Тихо-тихо! – Кося встал между ними и примиряюще поднял руки. – Ты, Костыль, бросай свои шуточки! Соболев у нас парень горячий – не хватает нам ещё между собой замес устроить!

– Да ладно! Шутка. Чё ты подорвался? – сказал Костыль и встал с дивана. – Проследить, конечно, надо, но и сюда они могут прийти. Найдётся добрый человек – подскажет.

– Паштет, беги за Кузей. Пусть мухой летит в подвал. Кося и Кузя вдвоём тут справятся, если что. После сиди в подъезде напротив, и если увидишь, что толпа подвалила, то беги по нашим, кого найдёшь, – сказал Женька.

Паштет – небольшого роста паренёк с широкими голубыми глазами – встал с ящика, аккуратно положил карты в кофоду и вышел из комнаты. Вскоре послышались его шаги вверх по лестнице.

– Так, Сарай, погнали быстрее, – махнул Женька сидящему на диване смуглому пареньку и направился к выходу, но наткнулся на парня, который нарушил вечернее спокойствие подвала.

– А ты, малой, давай домой. Не бойся, никто тебя не тронет. Молодец, что предупредил.

Пацан пошёл к выходу.

– Погоди, ты говорил, вас трое было. А где остальные?

– Не знаю, я не заметил.

— Понятно, – усмехнулся Женька и махнул ему рукой.

Дорога домой лежала через большой заснеженный пустырь. Луны на небе не было, но снег отражал свет множества звёзд, и было достаточно светло. Пацан быстро шёл по тропинке, представляя, как будет ругаться мамка за то, что он так поздно вернулся с прогулки. Несмотря на начинавшую ныть верхнюю губу, настроение было хорошее. Страх не было. Он всё сделал правильно.

А события ночи развивались следующим образом. Женька с Сараем нашли чужаков уже на краю района. Особого ущерб они нанести не смогли. Поломали несколько скамеек на детской площадке да избили пьяного мужика, попавшегося под руку. Улицы были пустынные. Про подвал они явно не знали, поэтому, покружив немного по дворам, пошли к себе. Это оказались парни из новых домов, недавно построенных по другую сторону дороги, рядом с воинской частью. Женька с Сараем вернулись в подвал, где сообща решили отложить вопрос на завтра. Попрощавшись друг с другом, парни разошлись по домам, и лишь Костыль остался ночевать в подвале. Закрыв дверь на внутренний засов, он расположился на диване и закурил. Несколько дней назад он освободился из колонии для несовершеннолетних, где отбывал два года за кражу. Мать у Костыля пила, а отца он не помнил вовсе. У них была отдельная квартира, не коммуналка, но там постоянно ошивались различные мамины друзья и собутыльники. До суда его мать ещё как-то держалась. Бывали дни, когда она не пила, убиралась в квартире, но освободившись, Костыль нашёл там настоящий притон. Идти туда не хотелось. По крайней мере, трезвому. Затянувшись, он начал размышлять о последних событиях. Колония, хоть и называется исправительной, но меняет людей лишь в худшую сторону. Тем более «малолетка». Зона научила его не вмешиваться в чужие дела. Не обладая какими-то физическими данными и не получая передач с воли, он тем не менее не

стал сотрудничать с администрацией ради более «мягких» условий содержания. Он хорошо знал правила «игры», часто выполнял поручения «общака», нарушал режим и не раз оказывался в штрафном изоляторе. Особенно любил он провоцировать новеньких. Зона просвечивает человека лучше рентгена. Здесь нельзя казаться кем-то – здесь можно быть только собой. Не зная правил и понятий, а также названия предметов на тюремном жаргоне, легко попасть в неприятную ситуацию. И тут сразу видно, есть у человека стержень или нет. Если ты сломался один раз, то второй попытки уже не будет. Ещё находясь в камере на тюрьме, пока шло следствие, Костыль с сокамерниками часто развлекались, решая судьбу следующего арестанта, который попадёт к ним в камеру. Если решали новичка «опустить», то разыгрывали на картах, кто будет его провоцировать на ошибку, и с интересом ждали развития событий. Зона оставила где-то глубоко в сердце Костыля тупую ноющую обиду на весь мир. Он никому не верил, был хитёр и изворотлив, а на губах его всегда играла неприятная усмешка. Освободившись, он не стал строить далеко идущих планов, а жил сегодняшним днём. Сейчас он собирался устроиться на завод учеником сварщика (навыки этой профессии он получил в колонии) и поселиться в заводском общежитии, чтобы решить проблему с жильём. А дальше ждать, когда судьба ему подбросит жирный куш, сорвав который, он навсегда покинет и этот подвал, и мать, и парней со двора, и уедет красиво жить на бе-

регу Чёрного моря, где он ни разу в жизни не был. Улыбаясь от этих сладких мыслей, Костыль затушил сигарету о банку, выключил свет и практически сразу уснул.

Чужаков нашли быстро. Тем более что они и сами особо не скрывали про свой вечерний вояж по соседним дворам. В тот вечер на угловой веранде детского сада – привычного места сбора местной молодёжи – собралась большая и разношёрстная компания. К одному из парней приехали друзья из другого района, привезли с собой немного вина, которое достаточно быстро закончилось. Делать особо было нечего, и захотелось какого-то разнообразия. Тут и появилась мысль прогуляться по чужим дворам. Её дружно поддержали, вооружились на всякий случай подручными средствами и пошли. Но поход не удался. То ли было уже поздно, то ли холодно, то ли и то и другое вместе. А через несколько дней на их веранде появился небольшого роста паренёк в черной, надвинутой на глаза вязаной шапке и светлом коротком пуховике, который был ему явно великоват. Это был Паштет.

– Парни, привет! Кто из вас Слон? – спокойно спросил он и остался стоять на краю веранды.

Паштет – Пашка Воронов – был самым младшим обитателем подвала. И попал он туда совершенно случайно. Он был из хорошей семьи и прилежно учился в школе. У него был старший брат, который был не столь прилежен, но всё же вёл себя в рамках закона. Потом что-то случилось у них

в семье. Что именно, ни Пашка, ни его брат никогда никому не говорили, но после этого Пашкин брат ушёл из дома, бродяжничал, воровал и через некоторое время сел в тюрьму. Через него-то Паштет и узнал про подвал и про парней, которые там обитали. Сам Пашка, хоть и ночевал дома, но практически всё свободное время проводил или на улице, или в подвале. Учёбу он забросил, чем очень огорчил учителей, но ясный ум, воспитанность и аккуратность навсегда остались при нём. А ещё Пашка был очень смел. Он не боялся никого и ничего. Это была какая-то отчаянная смелость человека, которому нечего терять. Старшие парни уважали Паштета за эту смелость, а также за то, что он никогда тебя не сдаст, что бы ни случилось.

Паштет ждал ответа.

– А ты что хотел? Ты кто такой? – спросил один из парней на веранде.

Паштет подошёл к нему и спросил ещё раз в упор:

– Ты Слон?

– Ну я, – ответил медленно тот, немного удивившись Пашкиной дерзости. – Ты что хотел?

– С тобой хотят поговорить. Приходи завтра в десять вечера в семнадцатый подвал.

– Чё за подвал? Кто поговорить?

– А ты приходи и узнаешь, – сказал Паштет и, развернувшись, пошёл с веранды.

Слон несколько секунд смотрел ему вслед, медленно пе-

реваривая произошедшее. Потом, обратившись к остальным, сказал:

– Это что сейчас такое было?

– Тебе забили стрелку, Слон, – сказал крупный парень, сидевший рядом с ним. – Это из тех дворов, где мы пару дней назад гуляли, помнишь?

– Но почему я? Я же не один там был!

– Очевидно, они решили, что ты тут главный, а может, просто никого больше не знают, – рассмеялся говоривший и хлопнул Слона по плечу. – Расслабься, можешь вообще не ходить.

Говоривший встал:

– Ладно, поздно уже. Я домой.

– Макс, надо как-то решить этот вопрос, – ответил ему Слон.

– Вот ты и решай, – ответил Макс и пошёл с веранды. С ним пошли ещё пара человек. Постепенно народ начал расходиться, и вскоре на веранде остались лишь Слон и ещё один паренёк.

– Пойдёшь? – спросил он после некоторого молчания Слона, но тот ничего не ответил.

Ночь прошла для Слона довольно беспокойно. Он пытался просчитать варианты и выбрать оптимальный, но решения не было. Вариант не ходить вообще, как предлагал Макс, он отбросил сразу. Это означало признание своей трусости,

потерю авторитета и насмешки вслед и от своих, и от чужих. Правильно было бы вновь собраться всем, кто ходил тогда, но, судя по тому, как быстро все разошлись с веранды, этот вариант был маловероятен. «Что за дурацкая ситуация? – думал он. – Почему именно я должен отвечать за это?» Наконец он твёрдо решил идти, а там будь что будет. На душе стало спокойно от принятого решения, и он смог уснуть.

На этот раз в подвале народу было значительно больше – человек двенадцать, среди которых были две девушки. Привычно курили, играли в карты и травили байки. На раздавшийся стук в дверь (на самом деле, чтобы стук услышали внизу, в дверь приходилось бить ногой) Паштет встал и скрылся в темноте прохода. Через некоторое время он вернулся с двумя парнями. Один высокий, в тонкой зелёной куртке, второй пониже ростом, коренастый.

– Пришли, – сказал Паштет вышедшему им навстречу высокому черноволосому парню.

Это был Череп. Он был, пожалуй, самым авторитетным парнем на районе. Не то чтобы тут была организованная структура, в которой чётко расписано, кто кому подчиняется, вовсе нет. Скорее даже наоборот, тут была полная анархия, и никто ни перед кем не должен был отчитываться. Но на каждом районе всегда есть парень, которого все знают и уважают. И даже если к тебе подкатили где-то на чужой территории, а ты произносишь его имя и говоришь, что знаешь

его, то тебя отпускают и просят передать этому парню привет. Так вот, Череп как раз и был тем самым парнем.

– Больше никто не пришёл? – спросил негромко Череп у Паштета.

– Вроде нет.

– Пошукай по дворам – может, ждут где, – сказал он Паштету и затем обратился к вошедшим: – Ну, и кто из вас Слон?

– Я, – сказал парень в зелёной куртке и сделал небольшой шаг навстречу, но внезапно сильный удар в спину почти сбил его с ног.

– Вы чё, суки, берега попутали? – Кося подскочил к почти упавшему парню и хотел ещё раз ударить, но Череп остановил его.

– Кося, хорош беспределить! Ты что творишь?!

– Сейчас они тут кровью блевать у меня будут!

– Остынь пока, дай поговорить.

Кося отошёл и плюхнулся на диван с недовольным видом.

– Нина, давайте погуляйте, – обратился Череп к девчонкам.

– Да мы тут посидим. Холодно же на улице, – ответила Нина.

Череп внимательно посмотрел на неё.

– Блин! – выругалась она и встала. Затем ещё некоторое время старательно заматывала длинный белый шарф вокруг шеи и застёгивала выдавшую виды коричневую шубу из искусственного меха, всем своим видом показывая недоволь-

ство. Череп, несмотря на свой относительно небольшой жизненный опыт, уже наверняка знал, что женщинам не место на мужских разборках. И дело не в их излишней впечатлительности, а в поведении парней в их присутствии. Наличие женщины, как правило, лишь усугубляет конфликт, а перед ним стояла задача решить вопрос максимально верно, чтобы не было пустых разговоров потом. Наконец девушки собрались и вышли, громко хлопнув дверью подвала на прощанье.

– Эй, ты что делаешь, дура! – послышался с улицы голос Паштета, и вскоре он спустился в подвал. Отрицательно помотав головой в ответ на вопрос Череп, он спокойно сел на ящик в углу и принялся наблюдать за происходящим.

– Ну что, Слон, объясни парням, зачем вы ходили своей толпой по нашим дворам! Что хотели? Что искали? Какие претензии? – продолжил разговор Череп.

Слон стоял, не зная, как отвечать на эти вопросы.

– Да я тут как бы не при делах, – наконец выдавил он.

Парни в подвале дружно рассмеялись.

– Я не я, и попа не моя! – вставил, смеясь, Костыль, – Слышь, дружок, а что ты тогда пришёл сюда, если ты весь такой не при делах?

– Позвали – я и пришёл, – попытался огрызнуться Слон, но не прошло.

– Опа! Дак ты у нас безотказный? – Костыль встал с дивана и начал ходить перед Слоном, непрерывно щелкая зонновскими чётками, которые крутил в руке. – Что ни попро-

сят, то и сделаешь? Нам бы пол помыть тут в подвале! Да, парни? Что скажешь? Поможешь?

Парни вновь дружно загоготали.

– И мне ещё пуховик зашить, – добавил, смеясь, Паштет, – Зацепился вчера за забор, сука.

Снова взрыв смеха. Слон стоял и молчал. Ему было совершенно не смешно. Он проклинал своё решение идти сюда, проклинал садик, веранду, парней, Макса, всё, что имело хоть какое-то отношение к этой ситуации. Когда насмешки и издевательства стихли, Череп снова продолжил:

– Действительно, Слон, если ты не при делах, то почему ты пришёл? Раз пришёл – значит, при делах. Или тебя не было, когда ваши тут были? Не было?

– Был, – выдохнул Слон.

– Вот видишь – значит, опять при делах. А ты говоришь, не при делах.

– Давайте я ему всеку! – не удержался Кося на диване и опять вскочил. – Ты в натуре Слон! У тебя кость вместо мозгов!

– Подожди, – удержал его рукой Череп. – А почему ты один пришёл? Где ваши все?

– Никто не пошёл, – буркнул Слон.

Ему стало уже совсем не по себе. Его ужасно бесили и эти вопросы, и нападки Коси, и скользкие шуточки, и бесил он сам, попавший, по сути, по собственной же воле в эту глупую ситуацию. Обычно в жизни мы играем две роли – охотника

или жертвы, – и для каждой роли всегда есть свой сценарий. Слон решил этот сценарий поменять. Он решил сам пойти в наступление, так как терять ему уже было нечего:

– Короче, вы чего хотели? Толпой только смелые? Один на один слабо?

— Ну почему же? – возразил с улыбкой Череп. Он понял манёвр Слона, но решил ему подыграть. – Ты можешь выбрать любого. У нас все парни достойные.

Приём сработал. Сценарий начал меняться. Слон медленно оглядел присутствующих. Прямо перед ним стоял Кося, потирал кулаки и улыбался. Драться с ним не хотелось, хотя он и был чуть пониже Слона, но шире в плечах. Слева стоял Череп. Этот вариант Слон отмёл сразу. Череп был практически одного с ним роста и выглядел крепче. Плюс его уверенное поведение лидера делало схватку с ним совершенно бессмысленной. Чуть дальше, на ящике сидел и спокойно смотрел на Слона своими широкими голубыми глазами Паштет. Он был явно слабее, но почему-то у Слона не возникло и тени сомнения, что он, не дрогнув, выйдет против него, если тот его выберет. Этот вариант тоже не подходил. Победа над заведомо более слабым соперником не принесла бы удовлетворения. Дальше на диване сидел Костыль, ухмылялся своей улыбкой и вертел чётки в руках. Это был неплохой вариант. Костыль ростом был почти со Слона, но тонкие пальцы и впалые щёки говорили, что здоровья в нём было мало. Его вполне можно было бы одолеть в небольшой стычке. Од-

нако зоновские повадки и наколки на пальцах заставили отказаться от этого варианта. Слон слышал, что бывшие зеки часто используют в драках нечестные приёмы и с ними лучше не связываться. Рядом с диваном, прислонившись к стене, стоял Кузя, он же Кузнец. Он был явно спортсмен, причём явно занимавшийся какой-то борьбой, о чём говорили его крепкая шея и чуть свёрнутый нос. Кузя и на самом деле занимался боксом лет с одиннадцати и даже брал призы на городских соревнованиях. Драться с ним один на один было бы большой глупостью. Наконец, рядом с Костылём на диване сидел Женька Соболев. Этот вариант показался Слону наиболее удачным. Женька был не большим и не маленьким, явно не спортсмен, и на хорошую схватку сил у него явно не хватит. И самое главное, Женька не выказывал никаких признаков агрессии в сторону Слона.

Как рассказывал потом сам Женька: «Вижу, что он уже собрался меня выбрать. Ну, думаю, дела! Делать нечего – надо выходить. Наплевать, что он здоровее! Побеждает не тот, кто сильнее, а тот, у кого духу больше. А духу у меня хоть отбавляй. Но тут Кося его всё-таки доконал, и Слон согласился драться с ним».

Пацаны расчистили как можно больше места посреди комнаты и с азартом смотрели на Косю и Слона, которые начали медленно кружить друг перед другом, сжав кулаки. Кося сразу занял активную позицию и начал пугать противника ложными выпадами. Слон защищался. Он всё же пропустил

несколько хлёстких ударов слева, и под глазом уже начала набухать небольшая шишка. Наконец Слон решил ответить на атаку и сделал выпад в сторону Коси. Правая, левая, но Кося легко ушёл с линии атаки. Он был бывалый боец. Со всего подвала один лишь только Кузя мог ему противостоять. Ему нравилось драться, и он никогда не пропускал удобного случая. Причём ему нравился сам процесс, а что и из-за чего, ему было не важно. Вот ещё одна атака, Кося снова ушёл вправо и со всей силы ударил Слона в бок. Тот охнул и машинально опустил руки. На лице Коси появилась победная улыбка, и он со всего маху засадил Слону левой прямо в нос. Тот отшатнулся, сделал несколько шагов назад, но всё же устоял на ногах. Однако практически мгновенно из разбитого носа хлынула кровь, и большие тёмно-бордовые капли упали на пол подвала.

– Всё, хорош! – скомандовал Череп и остановил Косю. – Не хватало, чтобы он нам тут весь подвал кровью залил!

– Сука! – выдохнул Кося и опустил руки.

– Там дальше есть кран с водой, – сказал Череп Слону, показывая на тёмный проход, – Паштет, покажи им.

Паштет, а за ним и Слон с товарищем скрылись в проходе. Вскоре оттуда послышался шум падающей воды. Пацаны, несколько раздосадованные столь быстрой развязкой, вернулись к своим делам и вскоре уже совсем забыли и про Слона, и про драку, и про причины конфликта. Такие стычки были обычным для них делом и являлись частью их жизни. Порой

поездка на автобусе вызывала больше эмоций. Поэтому, когда Слон с товарищем пошли в сторону выхода из подвала, на них никто не обратил внимания.

Прошло совсем немного времени, и вихрь перемен закружил страну в водовороте событий. Жизнь раскидала обитателей подвала и отправила по ведомым только ей одной тернистым тропинкам. Алкоголь, наркотики, тюрьмы и криминальные разборки – немногим удалось пройти сквозь это сито живыми и найти своё место в новом мире. Подвал опустел. А вскоре старую, обитую железом дверь заменили на новую сейфовую с массивным четырёхригельным внутренним замком, и уже никто не мог подумать, что когда-то тут можно было вот так запросто собираться по вечерам с друзьями, рассказывать истории и анекдоты, мечтать и строить планы, и даже драться до первой крови один на один, оставляя честь своего района.

Кролики

Дядька у Мишки был мужик мировой. Такой, про каких пишут в книгах или показывают в фильмах. Вёл он себя всегда открыто, уверенно, с некоторым вызовом – что называется, по-мужски. Встречались они довольно часто – практически каждые выходные. У них в семье было принято собираться на выходные всем вместе у бабушки. Взрослые накрывали на стол и принимались что-нибудь отмечать, а Мишка со своим двоюродным братом или играли где-то тут же, или уходили гулять на улицу и, набегавшись, возвращались за стол усталые и голодные. За столом взрослые разговаривали свои непонятные разговоры про работу или других родственников, которых Мишка и знал-то больше по этим разговорам, а видел лишь по очень большим праздникам. Из этих разговоров Мишка и узнал, как дядя Серёжа ездил на Север на заработки, «на вахту». Мишке представлялось это всё чем-то героическим. Уезжать за тысячи километров от дома, от семьи, от привычной обстановки и работать в суровых северных условиях, почти как на строительстве БАМа! От всех этих историй веяло романтикой. Денег, по словам взрослых, дядя Серёжа зарабатывал много, но был, на Мишкин взгляд, несколько прижимист, из-за чего и страдал периодически. Однажды дядя Серёжа вместе с Мишкиным отцом поехали на барахолку покупать полушубок. Холода на Севе-

ре бывали сильные, и без полушубка никуда. Стоил он дорого и в обычных магазинах почему-то не продавался – только на барахолке. Хотя, может, и продавался, но наверняка ещё дороже, а разве будешь торговаться в магазине? А на барахолке, если повезёт, можно и серьёзно сбить цену. Барахолка в Мишкином представлении была местом опасным. Тут могли обокрасть, обмануть или подsunуть какой-то бракованный товар. Ухо тут надо было держать остро. Но несмотря на это, множество людей стекалось туда каждое воскресенье, поэтому и прозвали то место «туча». Полушубок отец с дядькой тогда купили, но, как позже оказалось, не без изъяна. У него был крашенный воротник. Натуральный цвет у него оказался тёмно-бурый, рыжий, который был покрашен какой-то чёрной краской. Зачем было красить воротник у полушубка, Мишка совсем понять не мог. В его понимании полушубок должен быть тёплым, а уж какого цвета воротник – это дело десятое. Дядя Серёжа потом объяснял Мишке, что с чёрным воротником полушубок стоит дороже и продавец, спекулянт и барыга, специально покрасил воротник, чтобы обмануть простого человека. Мишка, конечно, понимал, что попал в такую ситуацию дядя Серёжа из-за своей прижимистости – позарился купить дорогую вещь подешевле, – но говорить об этом не стал.

К сыну своему, Мишкиному двоюродному брату, дядя Серёжа относился строго. Постоянно на него покрикивал по делу и без, и давал «леща». Часто из-за этого они ругались с

Мишкиной тёткой, которая, надо сказать, была красавицей. И из-за которой дяде Серёже приходилось драться с дворовыми ребятами, так как он был из другого двора. Но он не отступил и в итоге женился на ней. Эта история тоже добавляла уважения дядьке в Мишкиных глазах, хотя он бы никогда из-за девчонки драться не стал, разве что из-за принципа.

Несмотря на свою прижимистость, дядя Серёжа любил, что называется, пустить пыль в глаза. Часто после очередной воскресной встречи он мог громким и резким свистом остановить проезжавшее мимо такси и укатить на нём домой, прихватив жену и сына. Самое удивительное для Мишки было то, что такси покорно подчинялось этому свисту и подъезжало, порой развернувшись даже с другой стороны улицы. Мишкины же родители никогда на такси не ездили. Жили они далеко, и ехать приходилось на двух автобусах с пересадкой. В такие моменты Мишка с завистью наблюдал, как родственники усаживаются в машину, и потом понуро шёл с родителями до автобусной остановки, пиная ботинком кусок ледышки.

Мишка не помнил, что это был за день. То ли суббота, то ли воскресенье. Скорее всего, воскресенье, так как по субботам с утра Мишка был в школе. В этот день дядя Серёжа неожиданно появился на пороге их квартиры в том самом полушубке с рыжим воротником. Отца дома не было, и дядя Серёжа прошёл на кухню и о чём-то несколько минут разговаривал с Мишкиной матерью. Потом она вышла и коротко

сказала Мишке:

– Собирайся.

А ещё через несколько минут Мишка уже ехал с дядей Серёжей на автобусе. Это было странно. Обычно его не отпускали с чужими взрослыми, но если дядя Серёжа что-то решил, то он мог уговорить любого.

– Твоей матери я сказал, что мне нужна помощь по дому, – сказал он, заговорщицки наклонившись к Мишке. – Но это только легенда. На самом деле мы едем забивать кроликов. Мне понадобится твоя помощь, да и тебе пора становиться мужчиной.

Мишка промолчал. Он знал, что у дяди Серёжи был частный дом в посёлке, где он держал кроликов. Однажды они даже ездили их кормить, накупив предварительно много буханок хлеба. Но «забивать кроликов» – это звучало как-то жестоко. Он в жизни никогда никого не убивал и всегда был против издевательств над животными.

– Зачем? – произнёс он.

– Что зачем?

– Зачем их забивать?

– Зима ещё долго будет, а сено закончилось. Хлебом кормить дорого, да и мех у них сейчас самый лучший.

Мишка внутренне согласился с этими доводами. Делать было нечего. Они зашли в дом и прошли к сарайке, где стояли клетки с кроликами.

– Вот удивительное дело, – произнёс дядя Серёжа, – чуйка

у них какая! Мы только пришли, а они уже знают, что их забивать будут.

И действительно, кролики, обычно подбирающиеся к передней решётке клетки в ожидании кусочка хлеба, на этот раз забились в самый дальний угол.

– Вот как они это делают?

Дядя Серёжа открыл клетку и достал оттуда одного серого кролика. Крепко держа его за задние лапы, они зашли за угол сарайки. Здесь уже всё было готово. На полу стоял большой алюминиевый таз, а на полке лежал острый нож.

– О, эти тоже тут как тут! – сказал дядя Серёжа, задирая голову вверх.

Мишка тоже задрал голову и увидел нескольких чёрных ворон, кружащих над участком. Как они могли узнать, что сейчас тут произойдёт убийство и внутренности кроликов будут выкинуты на помойку, где ворон будет ждать настоящий пир, было неизвестно. Наверное, есть у ворон какая-то своя магия.

– Делаем так, – между тем продолжал дядя Серёжа. – Первого я забиваю сам и разделываю сам. Ты смотришь. Второго я забиваю, ты разделываешь. Ну а третий полностью твой.

Дядя Серёжа немного приподнял кролика одной рукой, а второй взял топориче, потом размахнулся и резко ударил кролика по переносице. Удар должен быть резким и точным. Нельзя попадать кролику по затылку, так как это не убьёт его, а лишь добавит мучений. Нужно ударить именно по пе-

реносице, чтобы кость сломалась и кровь беспрепятственно вытекла из тушки. Кролик согнулся, застыл в этом положении на несколько мгновений и потом безжизненно распрямился. Кровь ручьём потекла в таз. Мишка смотрел на это без страха и отвращения. Это была неизбежная необходимость. Кролика было, конечно, жалко, но такова уж была его участь.

Дядя Серёжа подвязал проволокой кролика за задние лапы к перекладине и начал осторожно разрезать шкурку кончиком острого ножа. В этом не было ничего сложного. Надо было просто стягивать шкурку вниз, чулком, подрезая кончиком ножа кожу изнутри. Мишка легко справился с этой задачей, когда дядя Серёжа забил второго кролика.

– Держи его крепко, – сказал он, передавая третьего кролика Мишке, – он будет очень сильно дёргаться. Если вырвется, то потом придётся его ловить по всему участку. Ну давай, делай тут пока, а я сейчас приду.

Мишка остался один. Он крепко сжал лапы кролика и взял топорище. Кролик не отрывал глаз от страшной палки и изгибался, пряча от неё свою голову. Надо было бить. Мишка решил действовать быстро и резко, чтобы кролик даже не понял, что произошло. Он размахнулся и ударил, но где-то в конце удара его рука дрогнула – и удар получился не таким, как надо. Кролик забился, задёргался и пронзительно завизжал. Мишка, испугавшись, что тот может вырваться, начал беспорядочно бить кролика топорищем по голове, а у самого

слёзы хлынули ручьём. Ему было жалко этот мягкий тёплый комочек, и жалко вдвойне оттого, что он не сумел выбить из него дух с одного удара. Наконец кролик затих, а из-за угла появился дядя Серёжа. Он посмотрел на полные слёз Мишкины глаза, но ничего не сказал и забрал кролика у него из рук.

Дальше уже было дело техники. Ловкими надрезами Мишка быстро снял шкурку и вспорол кролику брюхо. Внутренности с глухим шлепком вывалились в таз, и тут Мишка увидел странные круглые комочки, симметрично расположенные внутри кролика. «Больной кролик?» – подумал Мишка, но дядька прервал его:

– Во дела! Крольчиха! А я-то думаю: что это они не дерутся? А там самка, оказывается. Ну ты, Мишка, даёшь! Одним ударом семерых уложил!

Домой Мишка ехал молча. У него не было внутри ни жалости, ни сожаления, ни какой-то радости от произошедшего с ним сегодня. Он не мог понять, что чувствует сейчас, но точно знал, что порвалась внутри него какая-то невидимая тонкая ниточка, соединявшая его с беззаботным миром детства, и что за один только этот день он вдруг как-то весь вырос и повзрослел, и что пути назад уже нет.